

«НА КАЖДОМ ВИТКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПИРАЛИ СОХРАНЯЕТСЯ АКТИВНЫЙ И МЫСЛЯЩИЙ КЛАСС ЛЮДЕЙ»

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ 30 ЛЕТ ИСТОРИИ БАШКОРТОСТАНА ПОДВОДИТ СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ РАИЛЯ КУЗЕЕВА УФИМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РАН, ЭКСПЕРТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ИЛЬДАР ГАБДРАФИКОВ.

Я очень хорошо помню дни, когда была принята Декларация о государственном суверенитете Башкортостана, те бурные общественно-политические процессы, которые происходили в республике и стране во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. К тому времени я уже был вполне зрелым человеком — в 1989 году окончил исторический факультет Башкирского университета, а до этого отслужил два года в Советской Армии. Тогда вся страна бурлила, каждый день что-то происходило, особенно активничали в этом плане жители столиц — Москвы и Ленинграда, а в союзных республиках, в первую очередь в прибалтийских, набирало обороты движение за самостоятельность вплоть до полной независимости. На обширных просторах Советского Союза то там, то здесь начали вспыхивать межэтнические конфликты, местами кровавые, и прочие столкновения — это было в Алма-Ате, Фергане, Сумгаите, Тбилиси, Вильнюсе и т. д.

Вслед за союзными республиками это волна докатилась и до нас — автономные республики все активнее поднимали вопрос о повышении своего статуса. Союзное руководство, видимо, и само понимало, что процесс выходит из-под контроля, что оно теряет нити управления страной. Чтобы сохранить страну, первый и последний президент СССР Михаил Горбачев пошел, казалось, на решительный шаг — подписание нового Союзного договора, но джин борьбы за суверенитет был уже выпущен, и, что называется, «процесс пошел», докатившись до самых до окраин.

Башкирия, естественно, не оставалась в стороне от этих центробежных процессов. Республиканские элиты, как принято говорить, тогда были советской партийно-хозяйственной номенклатурой — частью советской управленческой машины, и они тоже начали поднимать вопрос об экономической самостоятельности региона. Одновременно зарождалось и общественное движение за повышение статуса региона.

Надо сказать, что мощнейшим толчком к гражданской активности послужила экологическая катастрофа на «Уфалимпrome», завершившаяся выбросом большого количества фенола в речку Шугуровка и далее в Уфимку. Как сейчас помню многотысячные митинги и шествия в Уфе с требованием принять срочные меры для улучшения экологической ситуации и обеспечения горожан питьевой водой.

В это время я уже учился в аспирантуре Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством видного этнографа и историка, профессора Раиля Гумеровича Кузеева. Весной 1990 года научная общественность выдвинула его кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Он часто выезжал на встречу с избирателями, и после каждой нам, своим ученикам, рассказывал, что кандидаты-конкуренты в своих выступлениях постоянно поднимают вопрос о необходимости самостоятельности и суверенитета республики.

Пожалуй, лозунг борьбы за суверенитет республики был тогда самым употребляемым и, казалось, самым выигрышным. Кузеев нам полушутя-полусерьезно говорил, что если так пойдет, то каждый дом и каждый подъезд объявит свой суверенитет. Сам он к этому всеобщему, казалось, центробежному движению относился настороженно, видимо, понимая опасность сепаратизма. А мы, молодые и романтически настроенные студенты и аспиранты, вполне серьезно думали, что РСФСР вслед СССР скоро распадется, и Башкирия станет независимым государ-

ИЛЬДАР ГАБДРАФИКОВ

ством. Все к этому и шло: союзный центр стремительно терял нити управления страной, новая власть России во главе с Борисом Ельциным боролась с Кремлем за полномочия, а регионы были предоставлены сами себе...

Летом 1990 года в Уфу приехал председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин, который, выступая перед многотысячной общественностью, среди которой был и я, произнес свою знаменитую фразу: «Берите суверенитета, такую долю самостоятельности, которую сможете проглотить...» В августе Татарстан, а через полтора месяца Башкирия приняли декларацию о государственном суверенитете.

Позже, конечно, мы поняли, что эти слова Ельцин сказал, чтобы перетянуть на свою сторону национальные республики в борьбе с Михаилом Горбачевым. Но тогда, моему, большинство, в том числе и я, восприняли декларацию с большим воодушевлением, ибо верили, что республика, обладающая экономической мощностью, сопоставимой со многими союзными республиками и даже превосходящая некоторые из них, получив самостоятельность, сможет хорошо обустроить жизнь.

Эта уверенность усилилась после «шоковой терапии» правительства Егора Гайдара, когда многие на себе ощутили все прелести «дикого капитализма». Надо отдать должное руководству республики, которое тогда смогло смягчить жесткие последствия той радикальной экономической реформы. Например, общественный транспорт в Башкирии был бесплатным, ускоренными темпами шла газификация сел, строились соцобъекты. Но тогда же появились и тревожные сигналы: региональ-

ная власть из рук Верховного Совета Башкирии перешла в руки президента республики, год от года усиливались авторитарные тенденции, укреплялся режим президентской власти.

С одной стороны, авторитаризм позволял держать все под контролем, оперативно решать экономические и хозяйственные вопросы. Например, в республиканскую собственность перешли многие крупные предприятия, в том числе такие гиганты, как «Башнефть», «Башкирэнерго», нефтеперерабатывающие и химические заводы Уфы, Салавата, Стерлитамака, был создан один самых мощных в России банков — Башкредитбанк (позже — «Уралсиб»). Но тогда же мы наблюдали за тем, как республиканский режим с молчаливого согласия Москвы «расправлялся» с оппонентами, пресекал инакомыслие, преследовал независимых активистов и журналистов, проводил, на мой взгляд, тенденциозную национальную политику... Тайно исчезали или загадочно умирали некоторые руководители предприятий, республиканский парламент принимал законы, противоречащие федеральным законам, не было даже формального разделения ветвей власти на исполнительную и законодательную, например все главы районов и городов являлись депутатами верхней палаты Курултая — Палаты представителей.

Для меня апогеем авторитаризма были выборы президента республики 1998 года, когда до участия в избирательной кампании не был допущен ни один из реальных оппонентов действующего главы республики. В 2000 году, с избранием Владимира Путина президентом России, начался обратный процесс — возврат регионов в

единое правовое пространство страны. Региональная элита противостоять этому немного пыталась, но в итоге не смогла.

Шаг за шагом был отменен и договор о разграничении полномочий с федеральным центром, и фактически сама Декларация о государственном суверенитете. Тогда же и годовщина принятия декларации стала просто Днем республики.

Показательными были выборы президента республики в 2003 году, когда в силу разных причин, в основном волей федерального центра, до них были допущены не только «технические» соперники действующего главы, но и действительно, как мы убедились в процессе, «проходные» кандидаты — совладелец Межпромбанка Сергей Веремеенко и сенатор Ралиф Сафин. Такая конфигурация выборов, конечно, давала надежду на возрождение честных и справедливых выборов.

Я сам работал аналитиком в штабе Сафина, сотрудничал со штабом Веремеенко. У штабов этих двух кандидатов в первом туре была общая задача — объединиться против действующего президента. Хорошо помню, как тогда власти препятствовали проведению концерта Алсу — дочери Ралифа Сафина. В Октябрьском на площадке, где должен был пройти концерт, неожиданно вспахали поле, и мероприятие пришлось переносить на территорию пограничного Татарстана. Числу провокаций не было счета, а в копилке «черных» предвыборных технологий того времени был и открытый криминал — теракт с человеческими жертвами и поджог типографии с фальшивыми бюллетенями.

Если бы не помощь федерального центра, думаю, власть в республике поменялась бы гораздо раньше 2010 года. Но случилось как случилось. За выборами президента республики 2003 года последовала полная отмена губернаторских выборов. В Башкирии на тот момент уже сформировалась местная оппозиция во главе с предпринимателем Рамилем Бигновым, сторонником которого я тогда был.

Мы с моим коллегой по академическому институту Игорем Кучумовым тогда печатали наши научные работы о политике в Башкортостане в условиях глубокой конспирации, иногда едва успевая забрать тираж из типографии, пока его не уничтожили. Сейчас об этом уже не все помнят. Как не помнят и о том, чего стоила — каких нервов и преследований — инициатива по установке в Уфе за средства инвестора, предпринимателя Николая Швецова, памятник основателю уфимской крепости Михаилу Нагому. Уфа на тот момент оставалась единственным, пожалуй, миллионником, где никак не была запечатлена память об основателе города. Но ни одна из публичных инициатив того времени не могла быть реализована без санкции республиканского руководства, и чаще всего любая такая инициатива политизировалась.

Надеемся, самые неприятные события этих лет останутся только в наших воспоминаниях. Как историк, я вынужден констатировать, что история циклична, на разных витках этой спирали возникают исторические параллели. Политические надежды сменяются политическими разочарованиями. Но я также рад отметить, что на каждом новом витке исторической спирали сохраняется класс активных и мыслящих людей, которые двигают развитие общества вперед. Нам осталось научиться делать верные выводы из опыта наших предшественников и уметь закреплять победы во благо общества и его граждан. ■